

По жалобам о нарушении статьи 2 Конвенции

Вопрос о правомерности применения силы

По делу обжалуется гибель военнослужащего по призыву, осужденного за дисциплинарное нарушение, при попытке к бегству из-под стражи. По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции.

Путинцева против России
[Putintseva v. Russia] (№ 33498/04)

Постановление от 10 мая 2012 г. [вынесено I Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Сын заявительницы был застрелен при попытке к бегству при возвращении для отбытия десятидневного ареста, назначенного за самовольную отлучку с военной службы. Застрелившему его сержанту, с которым у сына заявительницы незадолго до этого возник конфликт, не было предъявлено обвинения на том основании, что он соблюдал правила применения огнестрельного оружия для предотвращения побега арестованного.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 2 Конвенции. (а) Материально-правовой аспект. Выводы национальных властей не включали оценку законодательной базы, определяющей обстоятельства, которые допускают применение силы против беглого солдата. Установление того, раскрывают ли факты дела нарушение статьи 2 Конвенции, составляет отдельный вопрос по отношению к оценке: должен ли сержант быть привлечен к уголовной ответственности. Национальные власти рассматривали вопрос о том, было ли применение летальной силы законным, а не вопрос о том, было ли оно «абсолютно необходимым» в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Конвенции. Согласно применимому национальному законодательству считалось законным застрелить любого беглеца, даже осужденного за незначительное дисциплинарное нарушение, если он не сдался немедленно после устного предупреждения или выстрела в воздух. Подобная правовая база была неудовлетворительной и не отвечала уровню защиты «законом» права на жизнь, поскольку не учитывала требование пропорциональности и не содержала иных гарантий для предотвращения произвольного лишения жизни. Таким образом, имело место общее уклонение государства-ответчика от соблюдения предусмотренного статьей 2 Конвенции обязательства по обеспечению права на жизнь путем создания надлежащей законодательной и административной основы применения силы и огнестрельного оружия военными часовыми против беглецов-военнослужащих.

Что касается случая применения силы и поведения властей перед происшествием, сын заявительницы не был вооружен и не представлял угрозу для конвоя или третьих лиц. При этих обстоятельствах любое использование летальной силы было запрещено статьей 2 Конвенции, независимо от угрозы его бегства. Кроме того, представляется, что имелись иные средства, способные предотвратить бегство сына заявительницы. Его поведение, по-видимому, было предсказуемым, так как его без труда нашли в связи с предыдущим происшествием, и командиры знали, что он испытывает психологические проблемы в приспособлении к армейской жизни и склонен к побегу. Однако не имелось данных о том, что застреливший его сержант получил ясные инструкции об объеме применения силы, необходимого при таких обстоятельствах, или указания относительно сведения к минимуму угрозы лишения жизни. Вызывает озабоченность также то, что тому же сержанту, имевшему физическую стычку с сыном заявительницы незадолго до убийства, было поручено его конвоировать. Конвоирование было организовано непродуманным образом, и решение коменданта доверить его сержанту не отличалось необходимой осторожностью. Следовательно, власти не смогли свести к минимуму в наиболее возможной степени применение летальной силы и угрозу жизни для сына заявительницы.

В итоге соответствующая правовая база применения силы имела фундаментальный недостаток, и сын заявительницы был убит при обстоятельствах, при которых применение огнестрельного оружия для воспрепятствования его побегу было несовместимо со статьей 2 Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции (принято единогласно).

(b) *Процессуальный аспект.* Расследование являлось независимым и проводилось достаточно оперативно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу требования статьи 2 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

КОМПЕНСАЦИЯ

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил заявительнице 45 000 евро в качестве компенсации морального вреда.